

РЕЛИГИОЗНЫЙ СИНКРЕТИЗМ ПЕРВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ ЛИТВЫ

Риер Янина Александровна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Статья посвящена феномену религиозного синкретизма правителей Литвы на первых этапах формирования Великого княжества Литовского. Рассматривается сосуществование христианства, сохранившегося на землях Руси и язычества, принесенного балтским нобилитетом. Анализируется отношение первых правителей Литвы к религии как политическому механизму.

В процессе становления государственности в ВКЛ к началу XIV в. сложилась уникальная ситуация, когда большинство населения государства было христианским (в частности, православным), а правящая верхушка и князья – языческой. При этом выраженного политического антагонизма между носителями различных верований не наблюдалось, что дало повод известному английскому историку С. К. Роуэллу охарактеризовать данное государственное образование как «языческую империю» [1, с. 47]. Данный феномен, характеризующийся терпимым отношением языческих князей к христианской вере, манипулированием религией в политических целях, а также участием православных в регулировании канонических вопросов отмечал и другой исследователь, О. В. Голубев [2, с. 194–195].

Более того, исследуя вопросы, связанные с религиозной политикой первых правителей Литвы, можно говорить о их религиозном синкретизме. Необходимо отметить, что данный феномен был характерен для многих ранних государств, в том числе и для Руси, и находил свое отражение в наложении православных догматов на устоявшиеся языческие верования, сохранении старых традиций в ореоле новых религиозных ритуалов с целью упрочить власть первых русских князей [4, с. 66–67].

Но именно в ВКЛ язычество сохранило особенно прочные и долгосрочные позиции, позволяя говорить о сохранении дуалистической культуры на первом этапе формирования данного государства, вплоть до правления Витовта. То есть речь идет, по сути, о так называемом «вторичном» синкретизме, представляющем собой синтез нескольких разных по уровню религиозных традиций и являющимся, во-первых, следствием длительных этнокультурных взаимодействий, а во-вторых, сознательным заимствованием правителей (в частности, по политическим причинам, что особенно ярко проявилось в эпоху правления Миндовга, а затем – Гедимина) [4, с. 76].

Несмотря на то, что и Миндовг на большем протяжении своей жизни, и Витень, и Гедимин были язычниками, они использовали религию в своих политических целях. Будучи язычником, в условиях военной угрозы, первый правитель ВКЛ заключил союз с немецкими рыцарями. Чтобы заручиться поддержкой Ордена и Рима, в 1251 г. он принял христианство и потом, в 1253 г., стал королем Литвы [5, с. 20]. Убедившись в непопулярности новой религии среди местного населения, Миндовг вновь стал язычником и приносил жертвы как языческим божествам, так и христианскому богу, а значит, находил поддержку у населения, исповедовавшего разные верования.

Примечательно, что члены семьи Миндовга отнеслись к новой религии с большим почтением, а его жена Марта и вовсе стала ревностной католичкой и настоящей опорой немецкого духовенства в Литве. Правда, дети Миндовга от первой жены не были католиками, поэтому защита Мартой новой веры вылилась не только в личностное или политическое, но и религиозное противостояние, особенно ярко проявившееся во взаимоотношениях с его старшим сыном, Войшелком, управлявшим Черной Русью (Новгородом, Волковыском и Слонимом) и ревностно распространявшим православие [3, с. 57].

Взаимодействие и сосуществование православной и языческой культур можно объяснить древними христианскими устоями, существовавшими на территории Руси. К моменту создания ВКЛ существовала прослойка старой знати, занимающей достаточно сильные позиции и сохраняющей исторические и религиозные традиции. Несомненно, что, не желая потерять поддержку данного слоя общества, первые правители будущего ВКЛ никоим образом не стремились разрушить старые устои, сохраняя имеющееся положение вещей. Литовская знать терпимо относилась к верховному христианскому Богу, а в повседневной жизни все так же продолжала поклоняться древним божествам [5, с. 58]. В то же время местная православная знать внешне принимала языческих верховных правителей, оказывая им военную поддержку в случае необходимости. Таким образом, складывался дуалистический характер будущего государства, в котором сосуществовали две конфессиональные традиции – православная и языческая.

Продолжилась данная тенденция и во времена правления Витеня, Гедимина и даже Кейстута. Что, в свою очередь, вызывало огромное недовольство Запада. Тем не менее, даже использование христианства в политических целях повышало их авторитет в глазах европейского общества. Так, крещение и коронация дали право Миндовгу считаться богоизбранным монархом и таким образом упрочить свою власть, находящуюся после подобного ритуала, под защитой высших, божественных и, подчеркну, христианских сил. Гедимин, будучи

язычником, знал основы христианского вероучения. Более того, в своей переписке с Папой он апеллировал к традиции обожествленного монарха, обладающего сакральной силой, начавшейся со времен Миндовга. Кроме того, при нем создается литовская митрополия [6, с. 197]. Ольгерд в своих письмах константинопольскому патриарху представлял себе, что базилевс является верховным божественным правителем. Вместе с тем, до конца своей жизни упомянутые правители оставались язычниками. Ситуация изменилась только в эпоху правления Витовта, который явился воплощением идеи о христианском монархе.

Таким образом, для первого этапа формирования ВКЛ был характерен религиозный синкретизм его первых правителей. Будучи язычниками, они с терпимостью относились к сохранившимся традициям православия на землях Руси, находя таким образом поддержку у местного населения и нобилитета. Более того, стремясь укрепить свой авторитет и власть как на подчиненных территориях, так и в глазах соседей, они подчинили религию своим политическим целям. Именно этим можно объяснить крещение Миндовга, создание митрополии при Гедимине, его «заигрывания» с Папой и обещания принять христианство, как и продуманную брачную политику, направленную на создание прочных связей с крупными христианскими центрами, а значит – обеспечение политической стабильности. Все вышеперечисленное обусловило появление феномена религиозного синкретизма, царившего на землях ВКЛ на первых этапах его существования.

Литература

1. Rowell, S. C. Lithuania ascending: a pagan empire within east-central Europe, 1295–1345 / S. C. Rowell. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 375 p.
2. Голубев, О. В. Феномен «своей античности» в истории Руси и Великого княжества Литовского: к постановке проблемы // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV – XV стст. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – С. 193–199.
3. Гудавичус, Э. История Литвы / Э. Гудавичус. – Т. 1 : История Литвы с древнейших времен до 1569 года. – Москва: Фонд им. И. Д. Сытина: Baltus, 2005. – 679 с.
4. Конталева, Е. А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей / Е. А. Конталева // Антропология религии. – С. 62–78.
5. Косман, М. 3 гісторыі і культуры ВКЛ. - Мінск: Медысон, 2010. – 448 с.
6. Цукерман, К. Із ранньої історії Літоської митрополії / Ruthenica. – Т. 14. – 2017. – С. 185–198.